

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Волошиной Аллы Владимировны
на тему: «Филологический метод Дионисия Галикарнасского (на
материале сочинений риторического корпуса)»
по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая
филология**

Диссертационное сочинение А. В. Волошиной посвящено историку I в. до н. э. Дионисию Галикарнасскому, прославившемуся своим трудом *Ῥωμαϊκὴ Ἀρχαιολογία*¹, который в разное время подвергался критике за слишком реторизированный подход к историческому материалу, а также рядом специальных сочинений по греческой риторике и стилистике. В целом, работа, хотя и посвящена именно второй части наследия Дионисия, тем не менее, позволяет лучше понять специфику и его работы как историка. Диссертация состоит из введения (сс. 3—26), трех глав (сс. 27—273), заключения (сс. 274—278) и библиографии из 17+99+21+198 единиц. Во введении весьма обстоятельно обоснован предмет исследования. Диссертант видит его в филологическом методе, точнее говоря, как объясняется во введении, в том, как историк-ритор применяет филологические методы в анализе различных текстов греческой древности, которые он критиковал, истолковывал, анализировал и оценивал. И здесь важный аспект, который остался несколько в тени исследования – зачем Дионисию нужна была вся сложная машинерия александрийской филологии, что же давала ему критика стиля Геродота, Фукидида и сонма аттических риторов во главе с Демосфеном, а также школьной поэтической классики. Диссертант не посвящает даже абзаца личности Дионисия и не анализирует его как провинциала, приехавшего в Рим и 22 года учившего латинский язык, а также занимавшегося выработкой критериев идеального риторико-исторического письма, чтобы доказать важность греческого метода для изложения любой истории. Эта лакуна делает дальнейшее изложение

¹ Правильный перевод этого названия был бы «Изложение древнеримской истории».

несколько «техническим» и не позволяет увидеть более широкого исторического контекста трудов Дионисия. Впрочем, диссертант с лихвой искупает этот недочет подробным и глубоким анализом применения филологической методики Дионисием.

А. В. Волошина справедливо обосновывает актуальность избранной темы тем, что «представление о Дионисии как о филологе не является общепринятым» (с. 4) и в дальнейшем и правда становится понятно, что его филологическая работа довольно специфична и имеет в виду не столько изучение классических трудов древности «на дистанции», но особую прагматическую работу по выработке новой нормы. Дионисий – участник литературного процесса, который критикует этих классических авторов и ищет у них образцы для выведения своего идеального писательского (историко-риторического) рецепта. В отличие от филологов типа Каллимаха, он стремится не изучать, а исправлять классических писателей, актуализируя их стиль и словоупотребление.

Степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна не вызывают нареканий и соответствуют критериям, предъявляемым обыкновенно к диссертационным работам и установленным Положением». Первая глава в большей степени посвящена тому, как Дионисий возводил Демосфена (то ли вслед за Цицероном, то ли параллельно с ним) на пьедестал главного аттического оратора. Дионисий, как показано в диссертации, критиковал текст Демосфена, решал вопросы аутентичности и датировки, при чем он, разумеется, не был здесь первопроходцем. Диссертант справедливо указывает (с. 37), что «Дионисию Галикарнасскому, скорее всего, были известны александрийские гипомнематы, которые впоследствии легли в основу схолий». Следует поддержать и вывод, что «внимание Дионисия к подлинности текста ... связано с важной для него концепцией «эклектического мимесиса» (слово «подражание», между прочим, здесь вполне употребимо – А.М.), иначе

говоря, ему нужны были такие образцы, которые он мог вставить в свой идеальный учебник по принципу мозаики. Три основные функции, в которых используются цитаты в риторических сочинениях Дионисия (именно, информативная, орнаментальная и парадигматическая) проанализированы достаточно, хотя обоснование второй, «орнаментальной» функции на наш взгляд обосновано несколько излишне кратко.

Вторая глава посвящена вопросу метатезы, т. е. подстановкам и заменам в текстах античных классиков (историков, прежде всего), которое более всего объясняет феномен Дионисия-филолога. Решая вопрос «неудовлетворительного» стиля классических историков, он меняет слова, грамматические формы, переставляет местами части предложений и т. д. Более всего это напоминает метод таргумирования, применявшийся в еврейской традиции по отношению к тексту Торы савориями, гаонами и другими ранними мишнаитами. В таргумах исходный священный текст переводился на арамейский, но также уточнялся и объяснялся. У Дионисия текст Фукидида и других писателей приводится к нормам «идеального стиля», что приводит к заметному искажению специфики, но это такая особая герменевтическая стратегия. Именно в этом Дионисий перестает быть бережным филологом, а становится безжалостным дидактистом, который ради ясности и понятности «лишает Фукидида индивидуальности и разрушает «древнюю и суровую красоту» его стиля» (с. 151, ср. 206²). И тут становится понятной историческая специфика использования филологических методов нашим автором: подобно Галену, искавшему ясного логического метода для постановки диагноза и выведения верной формулы терапии и для того препарировавшего софистические опровержения и аристотелеву риторику, Дионисий есть ответственный историк, прагматически работающий над своей идеальной стилистической формулой. И в новом свете выглядит фраза Дионисия οὐδ' ἐκ τῶν Ἀριστοτέλους τεχνῶν τῶν

² Когда критик конструирует текст в духе Фукидида, он намерен продемонстрировать «лучший» вариант стиля историка, то есть ясный, без заметных «ошибок» в согласовании или словоупотреблении и т. д., но имеющий определенные особенности в соединении слов

ὕστερον ἐξενεχθειςὼν οἱ Δημοσθένους λόγοι συνετάχθησαν, которую диссертант перевела недостаточно искусно как «не из книг Аристотеля (лучше: не по аристотелевым техникам), изданных (ἐκφέρω тут едва ли не «to come to fulfillment», LSJ V.2) позже, чем были составлены речи Демосфена». Для Дионисия – это исторический недостаток, который надо бы исправить.

Очень хороша III глава с анализом стиля самого Дионисия. Ясно, что он был совершенно предан своей задаче идеального донесения смысла, подобного музыкальной агогике (удачный момент сравнения!). В этом он совершенный перипатетик (напр., с. 260: «следует аристотелевскому пониманию *πάθη* как способу воздействия на суждения аудитории»). Выводы главы и общее заключение сжато обобщают результаты работы и свободны от нареканий.

Работа безусловно целостна, не распадается и производит впечатление логически связной. Претензии к работе сводятся к:

1. Некоторому недоучету историко-биографического контекста: Дионисий использовал филологические методы в интересах построения своей «школы» идеального историописания, и вся его «филология» была именно использованием эллинистической методики (подобно Галену);
2. Не всегда точному и последовательному использованию лингвистической терминологии: так тема «проективности/непроективности» трактуется только по одной работе Я. Г. Тестельца, хотя надо бы учесть диссертацию Т. Ю. Кобзаревой (2008), где предлагаются модели линейной структуры проективных фрагментов именных и предложных групп и рекурсивная стратегия их анализа, а также теорию «проективного смысла» Н. Чернейко и (для полноты картины) «проективную лингвистику» М. Эпштейна. Поэтому «склонность к непроективности» нуждается в разъяснении и детализации. То же относится и к вводимому несколько абстрактно понятию «валентности слова» (сс. 219—220), которое

требует указания на ту или иную трактовку теории валентности (С. Кацнельсона, Г. Сильницкой и т. д.). Здесь хотелось бы большей специфичности;

3. Иногда избыточному цитированию античных авторов и текстов Дионисия, не всегда оправданных изложением;
4. Некоторым опечаткам и неточностям в основном стилистического характера в переводах, напр.: θηριώδους γὰρ καὶ ἀλόγου («звериному и неразумному», с.32, тут противопоставление звуков диких зверей и домашней скотины; τοσαύτην ἔχει πειθὼ καὶ ἀφροδίτην τὰ λεγόμενα καὶ οὕτως λανθάνει τοὺς ἀκούοντας εἴτ' ἀληθῆ ὄντα εἴτε πεπλασμένα: перевод на с. 36 «имеет такую убедительность и *прелесть* и так скрывает от слушателей, правдиво это или ложно» нуждается в стилистической правке; «О делах в Херсонесе» лучше переводить как «О положении дел...»; для термина παρῆξιρεσία не обязательно транслитерировать английское слов outrigger при наличии морского термина «утлегарь» и т. д.
5. Фонетическое объяснение «отождествляет сигму с дорийской сан» требует диалектологически-фонологического объяснения: эти фонемы совпадали в аттическом и дорийском или нет?

Впрочем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования, посвященного важной и малоисследованной теме. Диссертация А. В. Волошиной отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание

ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Волошина А. В, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук,
И. о. заведующего кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа
Института стран Азии и Африки
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»

МУРАВЬЕВ Алексей Владимирович

13 июня 2025 г.

Контактные данные:

тел.: 7(916)1223035, e-mail: MuravyevA@my.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.03. Всеобщая история (соответствующего периода)

Адрес места работы:

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова

Подпись сотрудника МГУ имени М. В. Ломоносова

А. В. Муравьева удостоверяю: